

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАУЗАЛЬНОСТИ (КАУЗИРОВАНИЕ НЕВОЛИ)

Татьяна Антоновна Яценко

В статье рассматриваются проблемы когнитивной / концептуальной метафоры с точки зрения каузальных отношений.

Ключевые слова: концепт, языковая каузальность, когнитивная / концептуальная метафора

У статті розглядаються проблеми когнітивної / концептуальної метафори з позиції каузальних зв'язків.

Ключові слова: концепт, мовна каузальність, когнітивна / концептуальна метафора

The article deals with problems of cognitive / conceptual metaphor from point of view of causal relations.

Key words: concept, language causative, cognitive / conceptual metaphor

В современной лингвистике термин «концептуальная метафора» употребляется как синоним термина «когнитивная метафора». Концептуальная метафора является одной из форм концептуализации, когнитивным процессом, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания [1;2]. Н.Д. Арутюнова выдвигает положение о том, что создание когнитивной науки, занятой исследованием разных сторон человеческого сознания, явилось следствием интереса к метафоре в исследованиях разных направлений современных гуманитарных наук [3, с.371]. Известно, что в самом общем виде метафора представляется как видение одного объекта через другой, и в этом смысле она репрезентирует знания в языковой форме. При этом весьма существенным представляется следующее положение: «Метафора обычно относится не к отдельным изолированным объектам, а к сложным мыслительным пространствам (областям чувственного и социального опыта). В процессах познания эти сложные непосредственно не наблюдаемые мыслительные пространства соотносятся через метафору с более простыми и конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами (например, человеческие эмоции сравниваются с огнём, сферы экономики и политики – с играми, спортивными соревнованиями и т.д.)» [4, с.55].

Современная когнитивная теория метафоры базируется на утверждении Дж. Лакоффа и М. Джонсона, что метафора является основным средством нашей концептуальной системы, с помощью которого мы понимаем и воспринимаем один тип объектов в терминах объектов другого типа [5, с.128].

Таким образом, концептуальная метафора непосредственно связана с концептом, который относится к числу основных категорий когнитивной лингвистики. При всей многочисленности работ, большая часть которых написана в последнее десятилетие, диапазон представления Концепта очень широк: от традиционной семантики [6] до чистой ИДЕИ, напрямую с языковыми средствами не связанной [7]. Для воронежской школы концептологии (И.А. Стернин, З.Д. Попова) характерно «понимание концепта как единицы невербального в своей основе мышления, а лексических и фразеологических единиц языка – как средств опредмечивания, вербализации, объективации концепта» [8, с.6]. При этом лингвокогнитология рассматривается как наука, которая изучает структуру и содержание концептов лингвистическими методами.

На современном этапе развития когнитивных исследований не вызывает сомнений необходимость исследования концепта с позиций комплексного подхода, интегрирующего результаты изысканий различных гуманитарных наук (знаний).

Концепт представляется весьма существенным понятием для реализации диалога культур в полиэтничном мире именно в силу универсального надязыкового характера своего содержания и национальной специфики лингвистической интерпретации.

Предметом нашего исследования является концепт Причины, который рассматривается нами, вслед за Ю.С. Степановым [9;10], как один из «великих концептов мировой культуры». В качестве концепта культуры Причина, естественно, вписывается в языковую картину мира в целом и в национальную языковую картину мира - в частности. Концепт Причины взаимосвязан с такими важнейшими для языковой картины мира концептами, как Цель, Судьба, Время, Пространство и др.

Причинность (каузальность) понимается нами достаточно широко: как устанавливаемая субъектом взаимосвязь между двумя событиями (явлениями, фактами), одно из которых (причина) вызывает другое (следствие).

Языковая реализация Причины рассматривается как функционально-семантическое поле. По определению А.В. Бондарко, «функционально-семантическое поле – это группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих варианты определённой семантической категории» [11, с.17].

В лингвистике и лингводидактике последних десятилетий XX века достаточно глубоко и скрупулёзно были исследованы и описаны центральные (ядерные) фрагменты функционально-семантического поля причинности. Между тем, практически неисследованным фрагментом функционально-семантического поля каузальности являются метафорические средства выражения причинно-следственных отношений.

Исследованный нами фактический языковой материал позволил проследить функционирование метафоры каузальности в различных дискурсах: художественные тексты (проза и поэзия), дневники писателей, мемуары, эпистолярный жанр, публицистика. Оказалось, что описание и систематизация этого материала не только расширяют представление о богатстве и разнообразии репертуара языковых средств выражения каузальности, но и позволяют проследить формирование причинно-следственных отношений (ПСО) в онтогенезе.

Исследование современного языкового материала (включая родственные славянские языки), обращение к фактам истории языка позволили выдвинуть гипотезу о том, что именно метафорические средства выражения ПСО, отражая зачастую мифологическое мышление, были начальными формами постижения мира и человека в мире, начальными, но отнюдь не примитивными.

Весьма плодотворной для изучения метафорического представления каузальности явилась идея Э. Кассирера о целостности человеческого со-знания, объединяющего различные виды ментальной деятельности, включая мифологическое и миропозитическое мышление. Сравнение, лежащее в основе метафоры, – вот один из главных путей установления и речевого выражения каузальных отношений, характеризующихся высоким уровнем абстрагированности. О фундаментальной роли сравнения как для развития человеческого мышления, так и для объяснения механизмов метафоризации, об эвристической силе метафоры сказано очень много (Аристотель, Гегель, Э. Кассирер, У. Куайн, Дж. Лаккоф, М. Джонсон, Н.Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов и др.).

Гносеологический аспект изучения метафоры связан с изучением каузальных отношений самым непосредственным образом: метафорический способ представления взаимосвязи причины и следствия позволяет проследить и метафоры-универсалии, и метафоры, отмеченные печатью национального своеобразия.

Эвристическая сила метафоры весьма выразительно сформулирована О. Мандельштамом в первоначальной редакции статьи «Разговор о Данте»: *Я сравниваю – значит я живу, – мог бы сказать Дант. Он был Декартом метафоры. Ибо для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение.* [14, с. 196].

В работе Н.Д. Арутюновой «Язык и мир человека» отмечается «экспансия метафоры в разные виды дискурса» [3, с.371]. В настоящей статье специальным предметом анализа является каузальная метафора в публицистике А.И. Герцена. Для публицистического дискурса весьма характерно, на наш взгляд, представление метафорической парадигмы.

Метафорические парадигмы формируются на основе базовой метафоры (БМ). Опираясь на исследования А.А. Потебни, можно представить базовые метафоры как свёрнутые формулы ритуальных магических действий, мифологические представления, тотемное мировосприятие и т.п. [12, с.314]. (Подробнее о БМ – см. [13]). Т.Е. Кис сравнивает базовую метафору в сознании человека с ассоциативно-образной сеткой, которая сформировалась в терминах и моделях, подсказанных культурным и эмпирическим опытом говорящего [13, с.54]. Известно, что в современной лингвистике термин «парадигма» используется не только в грамматических, но и в семантических исследованиях. Т.Е. Кис предлагает понятие метафорической парадигмы (МП), которое «охватывает не только языковое выражение конкретного образа, но и когнитивные процессы, связанные с его появлением, закреплением за ним определённого значения, а также те семантические и структурные изменения, которые сопровождают эволюцию этого образа в процессе развития языковой системы» [13, с.54] (перевод с украинского языка – мой. - Т.Я.).

Предметом нашего исследования стала базовая метафора «неволи» и её метафорическая парадигма. Известно, что «воля» – одно из ключевых понятий русского языкового сознания [16], поэтому его антипод «неволя» – «рабство, тюрьма» также весьма важен. Анализируемый материал открывает широкие возможности для того, чтобы проследить, как индивидуальный ментально-аффективный опыт «определяет» индивидуальный концепт (А.А. Залевская).

Для А.И. Герцена основное препятствие для свободного развития человеческой личности – это самодержавие, крепостничество, поддерживающая их полицейско-жандармская система и определяемый всем этим «традиционный» уклад жизни. Всё это беспрерывно «теснит»

человека: от самого рождения до гробовой доски, «теснит» физически, нравственно, духовно. Отсюда - высокая частотность употребления глаголов «теснить», «притеснять» и соответствующих именных метафор. Базовой представляется метафора «тюрьмы» («острога»): ... они [французские республиканцы. – Т.Я.] нашли в себе силу порвать железные грубые цепи, не замечая того, что стены тюрьмы остались. Они хотят, не меняя стен, дать им новое назначение, как будто план острога может годиться для свободной жизни (А.И. Герцен, С того берега. 22 сент. 1848г.).

Метафорическая парадигма включает следующую лексику: 1) решётка, стена, забор, частокол, палисад, шпалера; 2) цепи, оковы, колодки, кандалы; 3) путь, верёвка, нитки, тесёмки; 4) ошейник, узда.

Метафоры первой семантической подгруппы обладают общим значением «то, что лишает свободы и ограничивает жизненное пространство»; две первые метафоры представляются общеупотребительными, а остальные - индивидуально-авторскими: [о неисполнении знаков в России] *В России за государством видимым нет государства невидимого, которое было бы апофеозом, преобразованием существующего порядка вещей (...) ничего нет за этими заборами, где нас держит в осаде сила, превосходящая нас* (А.И. Герцен, О развитии революционных идей в России). Метафорическое значение слова «забор» подкрепляется семантикой последующего словосочетания «нас держит в осаде сила». Вообще действие закона семантического согласования (Ш. Балли, В.Г. Гак) в описываемом материале проявляется весьма выразительно. См. также: *Какую ширину, какое человечески сильное и человечески прекрасное развитие надобно иметь женщине, чтобы перешагнуть все палисады, все частоколы, в которых она поймана*. (А.И. Герцен, Былое и думы). – Форма множественного числа слова «частокол», усиленная определением *все*, соседствует с формой страдательного причастия «поймана», в целом же создаётся сценарий плена, вырваться из которого нелегко: «перешагнуть все палисады и частоколы».

Особый интерес представляют тексты, дающие возможность проследить своеобразное «рождение метафоры»: *Разъедающая злоба кипела в моём сердце, это чувство бесправия, бессилия, это положение пойманного зверя, над которым презрительный уличный мальчишка издевается, понимая, что всей силы тигра недостаточно, чтобы сломить решётку*.

(А.И. Герцен, Былое и думы). Здесь речь идёт о насильственной противоправной высылке А.И. Герцена из Петербурга. Конкретная «решётка» клетки тигра перерастает в метафорическую «решётку», ограничивающую свободу человека.

Метафоры второй семантической подгруппы обладают общим значением «то, что лишает свободы и ограничивает движение»; все метафоры представляются общеупотребительными: [О славянофилах] *Мы видели в их учении новый елей, помазывающий царя, новую цепь, налагаемую на мысль, новое подчинение совести раболепной византийской церкви* (А.И. Герцен, Былое и думы). См. также: *колодки русской цензуры, заковать в колодки безусловной отцовской власти; видеть во всём тяжёлые оковы*.

Метафоры третьей семантической подгруппы близки по семантике ко второй: «то, что лишает свободы и затрудняет движение». Это своеобразный менее жёсткий вариант ограничения; первая из метафор представляется общеупотребительной, остальные – индивидуально-авторскими:

Ненавидя, как и мы, настоящее России, славянофилы хотели позаимствовать у прошлого путь, подобные тем, которые сдерживают движение европейца (А.И. Герцен, О развитии революционных идей в России);

Но ехать было нелегко. На ногах была верёвка полицейского надзора и без разрешения Николая – заграничного паспорта мне выдать было невозможно (А.И. Герцен, Былое и думы); «... он незаметно мелькает, суживается и, чувствуя неловкость, всё же успокаивается, запутанный нитками и тесёмками» (А.И. Герцен, Былое и думы).

Лексемы четвёртой семантической подгруппы в своём прямом значении связаны с управлением животными. Будучи включёнными в контекст человеческой жизни, они приобретают метафорическое значение «сдерживания свободы»; являются общеупотребительными: *Все хорошо понимали, что идти дальше с ошейником рабства на шею невозможно* (А.И. Герцен, О развитии революционных идей в России).

В большинстве примеров метафоры «неволи» включаются в контекст политического государственного насилия и социального бесправия личности (см. приведённые выше примеры), т.е. «подавление свободы» является как бы внешним причинным фактором по отношению к субъекту, и это, естественно, соотносится с революционным мировоззрением автора. Но в то же время мы встречаем примеры, когда причина носит внутренний характер и связана с определёнными личностными качествами и манерой поведения субъекта, его «внутренним рабством»: *В этой боязни исследования, чтобы не увидеть вздор исследуемого, в этом искусственном недосуге, в этих поддельных несчастиях, усложняя каждый шаг вымышленными*

путями, мы проходим по жизни спросонья и умираем в чаду нелепости и пустяков, не пришедши путём в себя (А.И. Герцен, С того берега. Перед грозой).

А.И. Герцен неоднократно возвращается к образу: видимые железные цепи не так опасны, как «внутреннее» угнетение, принимаемое человеком добровольно: *Грановский не был гоним (...)* Но тем не меньше я удерживаю моё выражение: да, он много страдал. Не одни железные цепи перетирают жизнь: Чаадаев в единственном письме, которое он мне писал за границу (20 июля 1851), говорит о том, что он гибнет, слабеет и быстрыми шагами приближается к концу – «не от того угнетения, против которого восстанут люди, а того, которое они сносят с каким-то трогательным умилением и которое по этому самому пагубнее первого» (А.И. Герцен, Былое и думы).

Лингвистическое исследование с опорой на метафорическую парадигму представляется весьма перспективным при сравнительно-сопоставительном изучении языков.

Литература:

1. Телия В.Н. Предисловие // Метафора в языке и в тексте. – М., 1988. – С.3-10.
2. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. – М., 1990. – С.358-386.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896с.
4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов/ Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М.: МГУ, 1997. – 245с.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём// Язык и моделирование взаимодействия. – М., 1987. – 356 с.
6. Гажева И.Д. Концептуальный анализ имени ИГРА // Филологические науки. – 2000. - № 4. – С.73-81.
7. Залевская А.А. Когнитивный подход к тексту // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 2000. – С.6-9.
8. Стернин И.А. От научного редактора // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под редакцией И.А. Стернина. – Воронежский государственный университет, 2001. – С.4-6.
9. Степанов Ю.С. Концепт «причина» и два подхода к концептуальному анализу языка – логический и сублогический // Логический анализ языка. Культурные концепты. – Л., 1991. – С.5-14.
10. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824с.
11. Бондарко А.Н. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. – СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – 260с.
12. Кассирер Э. Язык и миф. – М., 1996. – 320с.
13. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М., 1990. – 276с.
14. Мандельштам О. Разговор о Данте [из черн. записей и заметок]. – М., 1932.
15. Кіс Т.Є. Формування метафоричної парадигми у процесі еволюції базової метафори// Мовознавство. – 2000. - №4-5. – С. 52-56.
16. Wierzbicka A. Understanding cultures through their key words. English, Russian, Polish, German, and Japanese. New York. Oxford. Oxford university press, 1997- 317с.